

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

(1818 – 1894)

Французский поэт, глава Парнасской школы. Родился на французском острове Реюньон, расположенном в Индийском океане. Сын французского фельдшера, эмигрировавшего после Реставрации. Учился в Бретани, работал в суде на Реюньоне. Участник революции 1848 года, был инициатором закона об отмене рабства в колониях. В 1886 году, по выраженной в завещании Виктора Гюго рекомендации, Леконт де Лиль был принят

во Французскую Академию на место, освободившееся после кончины Гюго. Творчество Леконт де Лиля представлено тремя прижизненными поэтическими сборниками.

БАГРОВАЯ ЗВЕЗДА

В пропасти небес будет большая красная звезда, именуемая Сахил.

Равви Абен Эзра

Над мертвою землей, над морем в летаргии,
Над миром, что во тьму, как в мантию, одет,

Где до конца времен ни содроганья нет,
Встает звезда Сахил, и гасит все другие,
Дерзнувшие попасть в ее кровавый свет.

Свидетель, призванный первоначальным мраком,
Всеобщей гибелью, вступившею в права,
Смотреть, как близится последняя глава;
Сахил чудовищный следит кровавым зраком,
Как спит вселенная, почти уже мертва.

Что ужасало нас, и то, что нас манило,
Фонтан отчаянья, малейший кладязь благ –
Все сгнуло навек, и ныне стало так,
Что всюду, каждый миг есть только свет Сахила,
Кроваво плачущий, неумолимый зрак

ВОЙ НА БЕРЕГУ

Селенье медленно вступает в мир заката,
Покоем полнится страна прибрежных скал.
Волна, перевалив чрез каменный оскал
На берег рушится, огромна и поката.

Не светит ни одна звезда издалека:
На мир шагнула ночь, и он наполнен воем;
А в небесах плывет, как призрак под конвоем,
Лишь бледная луна, раздвинув облака.

Лик, навсегда немой, в гримасе ядовитой,
Бесцельно восходя, вершит круговорот,
И повергает блеск рассеянно с высот
На мертвый океан, навеки ледовитый;

Наполнив духотой чудовищный простор,
Швырнула Африка вдоль севера хаммаду,
Повергла прайды львов во власть тоске и гладу,
И отдала слонам прибрежия озер.

На пляже сохнушем, где гниль плодит миазмы,
Все более тяжел неплодородный мрак,
А в нем все гуще вой гиеновых собак
Все безнадежней псов трясут ночные спазмы.

Под ребра к животу прижав концы хвостов
Зрочки навывкате – завоет каждый люто,
Дождется выдоха, – пройдет всего минута –
Он сызнова зайтись в истерике готов.

Из моря встанет вал, в обратный путь отвалит:
Удар по костякам, по долгой волосне;
Но псы в ответ ничем не навредят волне –
Они вослед воде рычат и зубы скалят.

Под мертвенной луной в пепельнородный час,
Вдоль антрацитных волн вы бродите тревожных;
Зачем дана вам плоть, отвратней всех возможных?
Зачем вы стонете и что терзает вас?

Я так и не узнал! Но с жалкой худобою,
Сколь солнц не отгорит над бедной головой
Сумею ли забыть невероятный вой
Собак, что по ночам собираются к прибою?

ПОСЛЕДНЕЕ ВИДЕНИЕ

Великой тишиной закованы снега.
Торосы дыбятся, немотствуя под фирном.
Всемирный океан стал саваном всемирным,
Захолодавшая земля вконец нага.

Фундаменты разбив, их обняла дремота;
Да и обломков нет для корешков плюща,
Здесь люди в городах сновали сообща,
Но где следы того, что было здесь хоть что-то!..

Все роли сыграны, все обрели покой,
Среди морей ветра забыли все дороги,

Жить не обязаны, не ведают тревоги
Леса, животные, усталый род людской.

А в вышине плывет лампадкою бродячей
Пытаясь рассмотреть огромный саркофаг,
В котором спит Земля, – небес убогий зрак,
Светила смертного, уже почти незрячий.

Короткий миг была довольна и сыта
Сожрав земную жизнь, чудовища утроба.
О звезды в небесах, в нем не иссякла злоба,
И взор его на вас нацелен неспроста!

Надежда, боль, тоска, миг силы, миг печали,
Любовь, дарившая могучие крыла –
Чем стала ты, Душа, и что с собой взяла?
С тобой ли разумы, что в мире замолчали?

Свое тавро века железною пятой
На всем оттиснули: не ведать зернам всходов.
Иллюзии богов и ропоты народов
В едином склепе спят, под общею плитой.

О Солнце! Старый друг растениям и аздам,
Позволь же, чтоб теперь твой фитилек потух!
Так некогда в горах костер гасил пастух
И тьма великая на мир ложилась следом.

А коль мертва земля – усилья ни к чему:
Вступая в смерть, прерви мучение безделья!
Планет не береги, золотого ожерелья
Тебе не надобно: кинь мишуру во тьму!

Вы, завихренья звезд, отнюдь не животворных,
Бежать пытаетесь, и погасить лучи, –
Через короткий миг вы канете в ночи
В священных пропастях небес немых и черных!

Спешите, и во Тьму ворвитесь напролом,
Там океан Тщеты спокоится безбрежный
Последний дом всего, что нам в судьбе мятежной
Казалось Временем, Пространством и Числом.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ СПУСТЯ

Рычание ветров той ночью в полной мере
Кипело в темноте, крушась на море шквалом,
И, сотворенные из облачных материй,
Метались призраки по мысам и по скалам.

Шторм силу набирал все жутче, все жесточе,
На кряжах завывал со злобой и с апломбом,
И, темнотою пьян, сгонял чудовищ ночи
Как стадо буйволов дрожащих к гекатомбам.

Слюноподобная накапливалась пена,
Покуда медленно, стена в морском просторе,
Росла гора воды, впадая постепенно
В эпилептический припадок черной хвори.

Так пела для меня ветров ревущих стая.
И я осознавал, что песне шторма вторю:
О молодость, о страсть, о ты, мечта святая,
О горны звонкие, что протрубили зóрю!

От края пропасти, земле оставив тело,
От мира, коего нет горше и тлетворней,
Крыла обретшая, моя душа взлетела
К благоухающим устам свободы горней.

Огромной ночи зев нашептывал со всхлипом:
Разверзни створки врат! Предайся жизни внешней!
И вторили ветра, измученные хрипом:
Ответствуй красоте послушной и поспешней!

Тысячеление распалось жалкой пылью,
Я возвращен туда, где видел счастье в душе;

Но тут один лишь плач, убогий дар бессилью
И пляска бешеных теней среди разрухи.

МОРИС РОЛЛИНА

(1846 - 1903)

Морис Роллина родился в городе Шатору в средней полосе Франции. Благодаря протекции Жорж Санд, которая была другом семьи, молодой адвокат переехал в Париж. В столице Роллина получил известность, прежде всего, как исполнитель песен на стихи Шарля Бодлера, Леконта де Лиля и Оскара Уайльда. Но всеобщая слава пришла к Морису в 1883

году, когда он выпустил свой знаменитый сборник стихов «Неврозы», навеянный творчеством Бодлера.

АЛЛЕЯ ТОПОЛЕЙ

Леконту де Лилю

Стоял полночный час, на всем лежала дрёма,
И сон готовился проникнуть вглубь зениц. —
Но воздух побледнел от яростных зарниц,
И докатился гром от края окоёма.

Там собирался шквал, он ширился и рос,
Там туча в небесах мерцала наковальной,
Как некий жуткий зрак, все горше, все печальней,
Грозя простор земной залить потоком слез.

Так уголь средь золы сверкает непокорно,
Коверкая долин знакомые черты.
Горячий ураган стал вырывать кусты,
Меча по сторонам сухие комья дерна.

Я шел в безлунный мрак, и странствие сие
Одной лишь молнией обозначалось длинной;
Мой одинокий путь в аллее тополиной,
Сквозь грозовую тьму протянут был на лье.

Рать одряхлевшая дерев пирамидальных
Кивала кронами, колебля пряжу мглы,
Здесь ждали участи скрипящие стволы,
Под грохоты громов, уже совсем недалёных.

Нагрянула гроза. И ураган взыграл
На мириадах струн деревьев-исполинов:
Запели тополя, во мрак вершины вскинув,
Сливая голоса в немыслимый хорал.

Так бьется человек в отчаянье озноба:
Дрожали тополя от комлей и до крон –
И ветви, и листву терзал со всех сторон
Шквал, демонстрируя, какой бывает злоба.

А гром все вновь и вновь напоминал с небес,
Что это он сейчас владычит над долиной;
Метались молнии в аллее тополиной,
Зигзагами змеясь меж кронами древес.

На тучах тополя чертили арабески
Как серной кислотой протравливая медь;
Ярился аквилон, не прекращал шуметь,
С восторгом чувствуя смертельных молний всплески.

Вот ливень начался – и ринулся в галоп:
Хрипя, и хохоча, и воя временами,
Лавиной горною, чудовищным цунами
На землю нисходил с ночных небес потоп.

Мальстрим не одолеть во тьме орде орлиной,
Что гибла, распластав увечные крыла;
Небесных кораблей к земле армада шла –
Сверкнула флагами, исчезла над долиной.

Песка и гравия чудовищный обвал
В ущелье рушился, какого нет бездонней:
Свистящий выводок, чешуйчатый, питоний,
Шипел и улетал, и плоть свою же рвал.

Как будто в глубине огромного Бисетра
Больных и раненых единый возглас рос:
Там поезда сошлись, чтоб рухнуть под откос -
И стать добычею карающего ветра.

Но все же ураган затих в урочный час
Отгромыхал свое, - вот хаоса не стало,
Вот аквилон исчез, рассеялся устало -
Пошел обычный дождь – и молний блеск погас.

Проходят вечера: чередой неугасимой
Зарницы вижу я, ослабеваает дух,
И снова в темноте мой истязает слух
Двух тысяч тополей хорал невыносимый!

ВОЛЧИЙ ВОЖАК

ЖЮЛЮ БАРБЕ Д'ОРЕВИЛЬИ

Меня по вереску тропа вела простая
Прочь от селения, привычно, не впервой,
Я шел, короткий путь во тьме предпочитая –
Когда издалека услышал жуткий вой.
Он знамением был для мира нежилого:
Я вышел на погост, под сень креста гнилого,
Что руки простирали к беззвездной вышине, –
И понял, что стою пред стаей, в западне:
Здесь волки собрались, а впереди – вожатый,
Подобный старому солдату на войне –
Волчара матерой в ночи зеленоватой.

Томилась голодом измученная стая
Виденьем пиршества над жертвой чуть живой;
Посулом вожака свои мечты питая:
Кто терпит – будет сыт, по горло и с лихвой;
Но ярость сборища голодного и злого
Терзалась жаждою кровавого улова,
С трудом смирив себя во тьме и в тишине;
Однако не скрывал ужасных глаз в огне
Ночных, пустых полей чудовищный оратай,

Седеющую шерсть топорща на спине,
Волчара матерой в ночи зеленоватой.

Неясить ухала, во мраке причитая,
Не в силах оборвать рассказ печальный свой,
На ветке скрючена, почти как запятая,
Как бы прикинувшись рыдающей вдовой;
И больше не было движенья никакого
Средь пыльной темноты и вереска сухого;
Лишь оловянными тенями при луне
Стояли волки там, готовые к резне,
Как инквизиторы, грозящие расплатой:
И грозно высился над ними в стороне
Волчара матерой в ночи зеленоватой.

И миг настал, когда, запальная, рудая,
Кобыла вынеслась дорогой роковой:
Отстав от табуна, в безумие впадая,
С клокастой гривой и тяжелой головой –
Затем, чтоб жертвой стать неслышимого зова;
Вся стая, ждавшая мгновения такого,
Немедленно слилась в чудовищной грызне,
Кишки или мозги – все по одной цене
В голодной ярости, в пирушке бесноватой;
И был со стаею своей наедине
Волчара матерой в ночи зеленоватой.

Спасенья от Небес уже не ожидая,
Я скрылся меж могил за высохшей травой.
На месте лошади, как понял лишь тогда я –
Ни гривы не было, ни связки хрящевой:
Прошел обжорства миг, тупого и слепого, –
И веря, что вожак ее накормит снова,
Прочь стая повлеклась, довольная вполне,
Слегка насытившись, в грязи, в крови, в слюне:
Ей уходить велел премудрый соглядатай,
Все время помнивший о слишком близком дне
Волчара матерой в ночи зеленоватой.

Посылка

Искусства грозный бог, будь милостив ко мне,
Я задремать боюсь на краткий миг, зане
Узрею вновь пустырь, кошмарами чреватый:
Страшусь: придет ко мне — хотя бы и во сне —
Волчара матерой в ночи зеленоватой.

Перевод с французского Е. Витковского